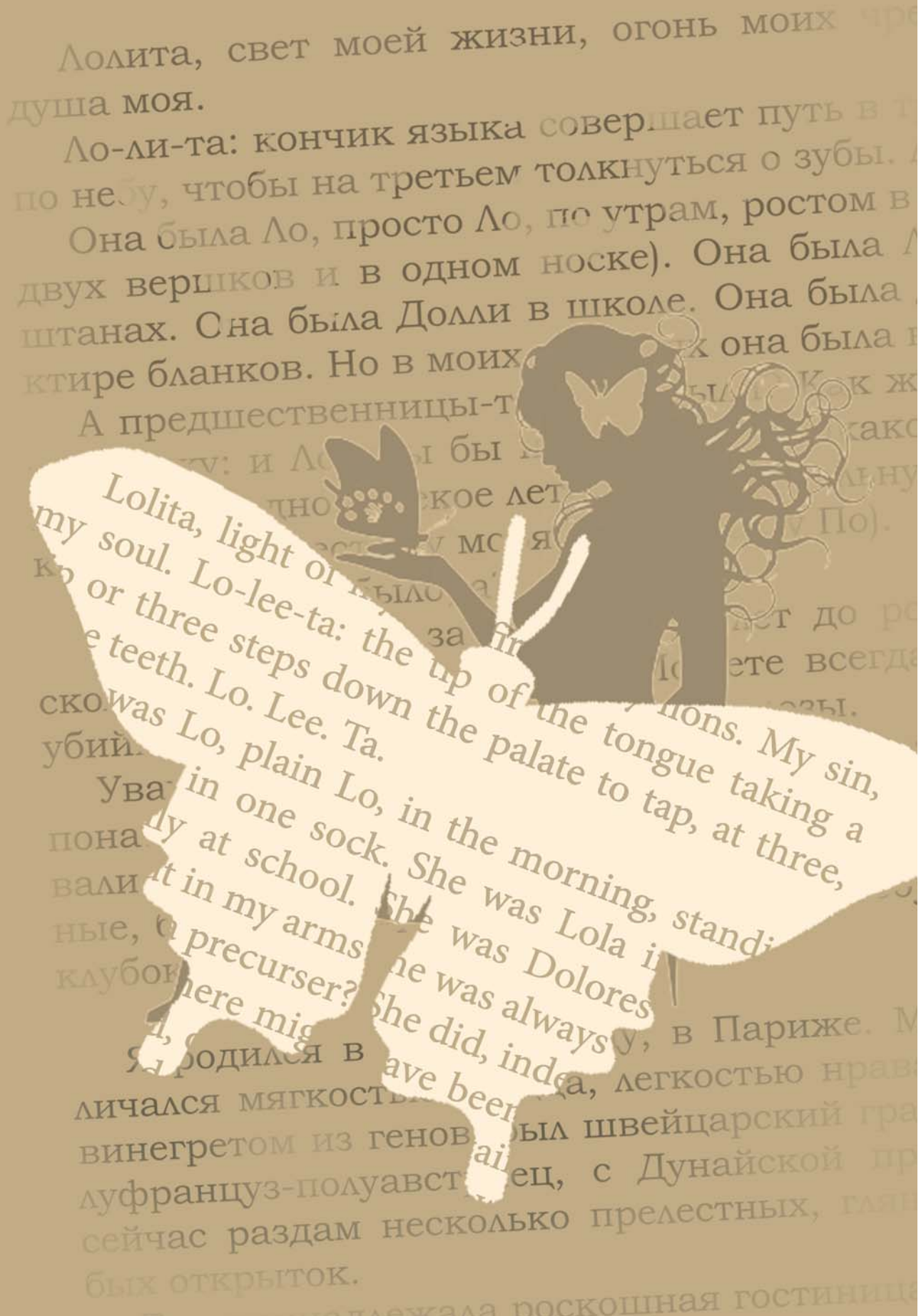


«Лолита» – скандальный шедевр Владимира Набокова

Н.Г. Мельников

История мировой литературы знает немало примеров того, как произведения, подвергавшиеся судебным гонениям и цензурным запретам, вызывавшие у современников обвинения в безнравственности, со временем признаются бесспорными шедеврами, а их создатели причисляются к светлому лику классиков. Именно это произошло с романом Владимира Набокова «Лолита», который далеко не сразу был признан одной из вершин художественной литературы XX века и до сих пор служит поводом для скандалов (вспомним недавние выходки петербургских «казаков»).

Владимир Набоков. 1957 год

Роман, принесший своему создателю мировую славу и сыгравший решающую роль в утверждении его творческой репутации, имеет длительную предысторию. Его фабульный зародыш содержится уже в третьей главе «Дара» – в прочувственном рассказе «бравурного пошляка» Щеголева: «Вот представьте себе такую историю: старый пес, но еще в соку, с огнем, с жаждой счастья, знакомится с вдовицей, а у нее дочка, совсем еще девочка, – знаете, когда еще ничего не оформилось, а уже ходит так, что с ума можно сойти»[1]. Год спустя после журнальной публикации «Дара» «первая маленькая пульсация» «Лолиты» воплотилась в новеллу «Волшебник» (1939). Забраковав свою «пра-Лолиту» (при жизни автора новелла так и не была опубликована), Набоков вернулся к разработке прежнего замысла, уже будучи американским писателем. В 1946 году был написан черновик первых двенадцати глав романа, получившего рабочее название «Королевство у моря». По признанию писателя, сделанному в предисловии к американскому изданию «Лолиты» 1958 года, «книга подвигалась медленно, со многими перебоями <...>. Раза два я чуть было не сжег недописанного черновика, и помню, как я уже донес мою Жаниту Дарк почти до вечерней тени мусоросжигалки, криво стоявшей на газоне двора, когда меня остановила мысль, что дух казненной книги будет блуждать по моим картотекам до конца моих дней. <...>

[1] Набоков В.В. Собрание сочинений русского периода : В 5 т. СПб.: Симпозиум, 1999–2000. Т. 4. С. 366.

Гумберт Гумберт написал ее в тридцать раз быстрее меня. Я перебелил ее весною 1954-го года в Итаке, жена перестукала ее на машинке в трех экземплярах, и я тотчас стал искать издателей»[2].

Последующие злоключения «Лолиты» (которую Набоков предполагал издать под псевдонимом) неоднократно описывались и самим автором, и его многочисленными исследователями. Первые попытки издать «Лолиту» в США окончились полным провалом: роман был последовательно отвергнут четырьмя издательствами. Первым от набоковского детища отказался редактор нью-йоркского издательства «Вайкинг Пресс», мотивируя это тем, что в случае публикации романа «мы все отправимся за решетку». Вслед за «Вайкинг Пресс» «Лолита» была отвергнута издательствами «Саймон энд Шустер» и «Нью дирекшнз». Представители первого издательства сочли ее «чистейшей порнографией», а старый приятель Набокова, издатель его первых англоязычных произведений Джеймс Лафлин признал, что «Лолита» – «это проза высочайшей пробы» и что ее следует опубликовать, однако сделать это наотрез отказался, поскольку тревожился о «возможных карах, ожидающих и издательство, и автора»[3].

Получив отказ от Лафлина, Набоков тут же предложил рукопись Роджеру Страусу, главе издательства «Фаррар, Страус энд Жиру»: «Дорогой г-н Страус. Некоторое время назад в своем письме Вы любезно проявили интерес к моему новому роману. В то время я не мог Вам ничего обещать, так как у меня было обязательство перед Джеймсом Лафлином из «Нью дирекшнз» показать ему рукопись первым, хотя я и не ожидал, что он захочет ее опубликовать. Он только что прислал мне ожидавшийся ответ, и я попросил его переслать рукопись Вам. По причинам, кои Вам станут очевидны по прочтении рукописи, я бы хотел опубликовать книгу под псевдонимом. И по той же самой причине я бы хотел попросить Вас о любезности прочитать эту рукопись самому и больше никому ее не давать, если только по ее прочтении Вы не решите, что книга представляет интерес для публикации. Надеюсь на Ваш скорый ответ»[4]. «Скорый ответ» не заставил себя долго ждать. Осторожный Страус деликатно отклонил рукопись: он не меньше других опасался скандального судебного разбирательства, способного подорвать престиж его издательской фирмы. Под впечатлением от прочитанной рукописи он написал

Владимир и Вера Набоковы. Милан. Ноябрь 1959 год

[2] Цит. по: Набоков В. Лолита. М., 1991. С.341–342.

[3] Цит. по: Грациа Э. де. Девушки оголяют колени везде и повсюду : Закон о непристойности и подавление творческого гения : (Главы из книги) // Иностранная литература. 1993. № 3. С. 199.

[4] Там же.

знакомой Набокова, писательнице Мэри Маккарти, которой было поручено передать рукопись «взрывоопасного» романа редактору журнала «Партизэн ревью» Филипу Раву: «Что касается набоковского романа, то здесь я согласен с Вами: невзирая на его литературные достоинства или недостатки, никто не посмеет взяться за издание. Я говорил о нем с Филипом, и он собирается обдумать план, как опубликовать некоторые главы романа. Похоже, ему он понравился больше всех, исключая разве что Елену Уилсон, которая просто обожает его. Чертова книга! Теперь, когда я иду по Мэдисон-авеню, то по меньшей мере за три квартала способен распознать нимфетку, или подросшую нимфетку, или перезрелую нимфетку»[5].

Филипу Раву роман очень понравился, однако по совету адвоката он вернул рукопись – на том основании, что вещи подобного рода не могут быть напечатаны анонимно, как того хотел Набоков, в то время опасавшийся, что публикация его «аскетически строгого создания» (как он аттестовал «Лолиту» в одном из писем) может катастрофическим образом сказаться на его репутации в чинном Корнелльском университете и повредить успешно складывавшейся преподавательской карьере.

Отчаявшись издать «Лолиту» в Америке, Набоков пристроил ее в парижском издательстве «Олимпия Пресс», наряду с книгами авангардных писателей выпускавшем порнографические опусы.

Главу «Олимпии» Мориса Жиродиа «сразу покорило неотразимое очарование книги». «Я был поражен и захвачен этим невероятным феноменом, – вспоминал позже Жиродиа, – как это он, по видимости без всяких усилий, смог перенести русскую литературную традицию в современную английскую прозу. Это уже само по себе было проявление гения, но и повествование было магической демонстрацией чего-то такого, о чем я сам только мечтал, но никогда не обнаруживал в реальности: изображения одной из запретнейших человеческих страстей в совершенно искренней и абсолютно пристойной форме. Я сразу почувствовал, что «Лолите» суждено стать величайшим произведением современной литературы, которая раз и навсегда покажет как всю бесплодность цензуры по моральным соображениям, так и неотъемлемое место изображения страсти в литературе»[6].

Так ли уж Жиродиа был уверен тогда в счастливой судьбе «Лолиты» – проверить трудно, однако факт остается фактом: рукопись была незамедлительно послана в набор, и уже летом 1955 года Набоков вычитывал корректуру, присланную ему из Парижа. В благодарственном письме Морису Жиродиа (с которым ему очень скоро предстояло насмерть разругаться) писатель настойчиво советовал издателю развернуть в Америке рекламную кампанию «Лолиты», которую назвал «серьезной книгой, написанной с серьезной целью»[7]. «Надеюсь, – добавлял Набоков, – публика воспримет ее именно в этом качестве. Меня огорчил бы succes de scandale»[8].

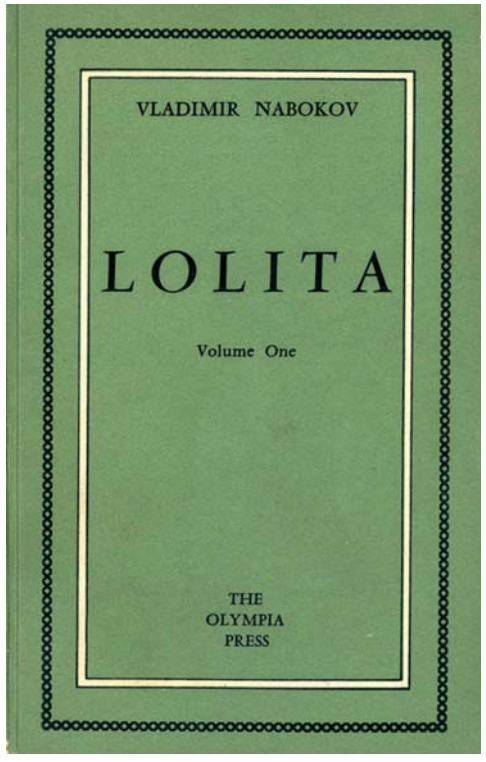
Вышедшая из печати осенью 1955 года «Лолита» поначалу не привлекла к себе особого внимания – до тех пор, пока вокруг нее не разгорелся бурный скандал в английской прессе. После того как Грэм

[5] Письмо Р. Страуса М. Маккарти от 15 ноября 1954 г. цит. по: Kiernan F. Seeing Mary Plain : A Life of Mary McCarthy. N.Y., Lnd: W.W. Norton& Company. P. 379.

[6] Грациа Э. де. Указ. соч. С. 206.

[7] Nabokov V. Selected Letters, 1940–1977 / Ed. by D. Nabokov and M.J. Bruccoli. N. Y.: Harcourt Brace Jovanovich / Bruccoli Clark Layman, 1989. P. 175.

[8] успех скандала (*фр.*).



Обложка романа В.В. Набокова «Лолита» (Париж, 1955)

Грин назвал набоковское произведение одной из лучших книг 1955 года[9], редактор газеты «Санди экспресс» Джон Гордон обрушился на роман с гневной критикой: «Без сомнения, это грязнейшая книжонка из всех, что мне доводилось читать. Это отъявленная и неприкрытая порнография. Ее главный герой – извращенец, имеющий склонность развращать, как он их называет, «нимфеток». Это, как он объясняет, девочки в возрасте от одиннадцати до четырнадцати лет. Вся эта книга посвящена откровенному, бесстыдному и вопиюще омерзительному описанию его похождений и побед. Книжка вышла во Франции. Всякий, кто осмелился бы напечатать или продать ее в нашей стране, несомненно, отправился бы за решетку»[10].

Грин ответил ироничным письмом в «Спектейтор», предлагая организовать «Общество цензоров Джона Гордона», которое будет «проверять и при необходимости запрещать все неприличные книги, пьесы, живописные полотна и керамические изделия»[11]. От слов Грин перешел к делу и 6 марта 1956 года действительно организовал первое заседание «Общества Джона Гордона».

Вся эта история (очень скоро она стала известна во Франции и в Америке) сделала «Лолите» такую рекламу, о которой Набоков не мог и мечтать. Заинтригованные английские читатели в момент раскупили пятитысячный тираж книги. Цена на экземпляры «Лолиты», полулегально привезенные туристами из Франции, дошла у спекулянтов лондонского Сохо до десяти фунтов (по пять фунтов за каждый том). Просачиваясь сквозь таможни, «Лолита» прибыла в Америку, куда, благодаря многочисленным откликам в прессе, докатилась ее скандальная слава.

Ажиотаж вокруг «Лолиты» усилился еще больше после того, как в конце декабря 1956 года Министерство внутренних дел Франции по личной просьбе британского министра внутренних дел наложило арест на книжную продукцию «Олимпии Пресс», в том числе и на «Лолиту». На защиту романа, равно как и на борьбу против цензуры, дружно встала вся французская пресса. Между тем в Англии «Лолита» угодила в пекло парламентских дебатов о новом цензурном законе.

В Америке все складывалось менее драматично: несколько экземпляров романа были перехвачены бдительными

[9] Green G. Books of the Year 1 // Sunday Times. 1955. December 25. P. 4.

[10] Gordon J. Current events // Sunday Express. 1956. January 29. P. 16.

[11] Spectator. 1956. February 10. P. 182.

Карикатура Майкла Каммингса для газеты «Sunday Express». 1961

таможенниками, однако затем благополучно возвращены владельцам, поскольку мудрые чиновники не усмотрели в «Лолите» никакой «непристойности». Ничего непристойного не нашли в ней и ее первые американские рецензенты.

В то время как в Англии «аскетически строгое создание» Набокова стало предметом парламентских разбирательств, а во Франции Морис Жиродиа отчаянно бился против судебного запрещения «Лолиты», в Америке фрагмент набоковского романа (где-то около трети текста) появился на страницах журнала «Энкор ревью» (1957. Июнь).

За Набоковым уже начали охоту издатели, засыпавшие его заманчивыми предложениями о приобретении прав на американское издание романа. Наиболее расторопным среди них оказался Уолтер Минтон из нью-йоркского издательства «Дж. Патнэмз санз», которое и выпустило «Лолиту» летом 1958 года.

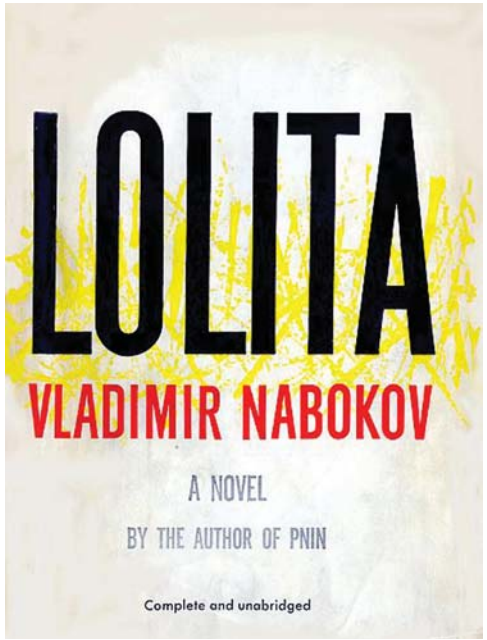
К моменту выхода книги читающая публика была так накручена, что с молниеносной быстротой смела весь тираж. За первые три недели было продано более ста тысяч экземпляров – рекорд, перекрывший прежнее достижение «Унесенных ветром». «Лолита» в мгновенье ока сделалась бестселлером (она продержалась на первом месте продаж вплоть до сентября, пока, к досаде Набокова, не была оттеснена на второе место английским переводом «Доктора Живаго»), принесла своему создателю целое состояние (только за права на ее экранизацию он получил от компании «Харрис-Кубрик-Пикчерз» 150 000 долларов) и превратила «незаметнейшего писателя с непроизносимым именем»[12] (как шутливо аттестовал себя сам Набоков в интервью 1964 года) во всемирно известного автора.

Немногочисленные лолитофобские отзывы – в них довольно безапелляционно утверждалось, что «Лолита» не что иное, как «омерзительная высоколобая порнография»[13], – были заглушены дружным хором подавляющего большинства рецензентов, воспринявших «Лолиту» как образец «в высшей степени живой, образной и прекрасной английской прозы»[14]. Писательская репутация Набокова выросла настолько, что уже в июне 1958 года рецензент из журнала «Нью рипаблик» с полным основанием утверждал: «Владимир Набоков – художник первого ряда, писатель, принадлежащий великой традиции. Он никогда не получит Пулитцеровскую или Нобелевскую премию, но тем не менее «Лолита», вероятно, лучшее художественное произведение, вышедшее у нас <...>

[12] Набоков о Набокове и прочем : Интервью, рецензии, эссе / Ред.-сост. Н.Г. Мельников. М.: Изд-во «Независимая Газета», 2002. С. 227.

[13] Prescott O. Book of the Time // New York Times. 1958. August 18. P. 17.

[14] Toynbee P. In love with language // Observer. 1959. November 8. P. 22.



Обложка романа В.В. Набокова «Лолита» (Нью-Йорк, 1958)

со времен фолкнеровского взрыва в тридцатых годах. Он, по всей вероятности, наиболее значительный из ныне живущих писателей нашей страны. Он, да поможет ему Бог, уже классик»[15].

В Англии, однако, битва за «Лолиту» и не думала утихать. Выходу лондонского издания романа предшествовала жаркая дискуссия в английской прессе. В поддержку «Лолиты» и ее издателей от имени видных английских литераторов и критиков было послано письмо в старейшую газету Британии «Таймс»: «Мы встревожены предположением, что английское издание «Лолиты» Владимира Набокова может так и не состояться. Наши мнения по поводу достоинств этого произведения различны, однако мы считаем, что будет крайне прискорбно, если книга, представляющая значительный литературный интерес, благосклонно принятая критиками и получившая поддержку в солидных и уважаемых изданиях, подвергнется запрету в нашей стране»[16].

Примечательно, что Найджела Николсона, лондонского издателя скандального романа, политические враги объявили «скрытым Гумбертом Гумбертом», а его родители, известные литераторы Гарольд Николсон и Виктория Сэквилл-Вест, забрасывали письмами, в которых умоляли не публиковать «непристойный» роман. Накануне выхода английского издания «Лолиты» имена Николсона и его компаньона Уэйденфелда «ежедневно мелькали в прессе <...>, их биографии изучались на предмет выискивания возможных аморальных фактов, явно свойственных сторонникам такой книги, как «Лолита». <...> Со смесью бесшабашности и страха Уэйденфелд с Николсоном устроили накануне выхода книги, во вторник 5 ноября, торжественный вечер в отеле «Ритц», куда было приглашено триста влиятельных доброжелателей. Издатели достаточно рисковали, назвав торжество вечером встречи с мистером и миссис Набоков; о книге не упоминалось. Устроители имели все основания опасаться, что назавтра их привлекут к суду»[17]. В разгар вечеринки до Николсона дозвонился клерк из Министерства внутренних дел и сообщил о решении британского правительства не возбуждать против «Лолиты» и ее издателей судебного дела. Обрадованный Николсон вскочил на стол и передал благую весть гостям.

Таким образом, в Англии после выхода лондонского издания «Лолиты» тема борьбы против цензуры в какой-то мере потеряла остроту, чего не скажешь о многих других странах, причем не только тех, где в то время правили авторитарные режимы (Аргентина, Испания, ЮАР). Цензурным гонениям «аскетически строгое создание» Набокова подверглось и в таких демократических странах, как Австралия и Новая Зеландия.

Суперобложка романа В.В. Набокова «Лолита» (Лондон, 1959)

В русском зарубежье роман Набокова вызвал самый живой отклик. Одним из первых на «Лолиту» откликнулся критик Марк Слоним: «Говорить о том, что «Лолита» неприличный и даже «скабрезный» роман, могут только те, кто не понимает серьезного замысла произведения и его выдающихся литературных достоинств. <...> Никакой особой половой смелости в «Лолите» нет, и в этом отношении ее далеко опередили десятки американских и французских романов, не вызывающие протестов. <...> По существу, «Лолита» не эротический роман в обычном смысле этого слова, а печальный рассказ о человеческих страстях и силе пошлости. Безумие Гумберта, не раз попадавшего в специальные учреждения для душевнобольных, не сводится к физическому влечению к тринадцатилетним «маленьким нимфам». Предмет его страсти не так уж важен: главное – это стремление человека вырваться из обыденного рассчитанного мира, страсть – как источник поэтического преображения действительности, общая природа творческого порыва и болезненного извращения. Ненормальность шахматиста Лужина и безумие Гумберта – явления одного и того же порядка. Вот почему в новом произведении Набокова так много печального и глубокого о темных корнях человека. Герои Набокова пытаются, каждый по-своему, совершить прыжок в царство свободы, их привлекает «предел» возможного или дозволенного, и их деяния – прорыв из духоты и тесноты *этого* мира.

И именно эту духоту, фальшь и пошлость жизни Набоков описывает с большим блеском»[18].

Ответом на эту вдумчивую рецензию стало возмущенное «письмо в редакцию» Ксении Деникиной, которая принялась распекать и автора «аморальной» книги, и благодушного рецензента: «...Нужно ли восхвалять описание «клинического случая», даже если «в рукописи нет ни одного неприличного выражения»? Ведь и без таких выражений само описание страсти сорокалетнего мужчины к девочке «не моложе девяти и не старше четырнадцати лет» – есть уже не только неприличие, но нечто гораздо худшее. В мире разврата

[15] Brenner C. Nabokov : The Art of the Perverse // New Republic. 1958. Vol. 138. June 23. P. 21.

[16] Times. 1959. January 23. P. 11.

[17] Шифф С. Вера (Миссис Владимир Набоков) / Пер. с англ. О. Кириченко. М.: Изд-во «Независимая Газета», 2002. С. 344–345.

[18] Слоним М. «Лолита» В.Набокова // Новое русское слово. 1958. 19 октября. С. 8.

и нездоровых страстей бывают «клинические случаи», так зачем их выносить в широкую печать? Такая книга общедоступна, ее могут купить и прочесть и дети, которых она отравит навсегда, подняв из бездны низкие страсти <...> Всякое культурное человеческое общество боролось и борется с подобной порнографией, как с моральным наркотиком. А что даже г. Набоков сознает, что это именно порнография, доказывает его согласие отдать свое произведение издательству, специальность которого – эротика»[19].

Эстафету в борьбе против набоковской «порнографии» на страницах «Нового русского слова» подхватил Георгий Александров. В статье, красноречиво озаглавленной «Грустные размышления», он сравнил «Лолиту» с «печальной памяти произведениями Анатолия Каменского, «Саниным» Арцыбашева и Вербицкой» и, признав талант и эрудицию Набокова, дал пугающий диагноз его детищу: «Книга Набокова в своих деталях и высказываниях конкурирует с известной книгой по половой психопатологии Крафт-Эбинга, учебником, написанным для врачей-психиатров. <...> 318 страниц книги Набокова, описывающих забавы и развлечения его героя, вполне достаточно для того, чтобы сделать нашими пациентами десятки психически неустойчивых и наследственно отягощенных людей»[20].

Печально, но даже давняя поклонница Набокова и его хорошая знакомая Зинаида Шаховская не слишком ласково обошлась с «бедной американской девочкой»; в рецензии на французский перевод «Лолиты» она утверждала: «Набоков стоит большего, чем споры, вызванные вокруг этого, не самого лучшего его романа. Вырванный из-за скабрезности его сюжета из числа предыдущих книг и, может быть, и тех, которые за ней последуют, роман «Лолита» угрожает Набокову легкомысленным причислением его к эротическим авторам»[21].

Набоковский роман не был по достоинству оценен и многими другими эмигрантскими литераторами, о чем свидетельствуют «непечатные отзывы» в их приватной переписке: «...только что закончил «Лолиту», и мое общее впечатление отрицательное: я бы не назвал это порнографией pur et simple[22], хотя это и противная вещь, но как в ней обнаруживается набоковская пошлость: это «Камера обскура» в энной степени!» (из письма Глеба Струве Владимиру Маркову от 27 июня 1956 года)[23]; «А вот что Вы думаете о «Лолите», если ее читали? Я прочел недавно, и самое удивительное в ней, по-моему, то, что при восклицаниях о любви на каждой странице в ней любовь «и не ночевала». Это совершенно сухая, мертвая книга, хотя и блестящая (даже чувственности нет, ничего: все выдумано» (из письма Георгия Адамовича Владимиру Варшавскому от 6 декабря 1959 года)[24]; «Эта «Лолита» Сирина, разве настоящий русский писатель мог такую книгу написать! И совсем не потому, что она якобы «аморальная». Вовсе она не аморальная. Наоборот, автор «моралист», что и понижает ее ценность. Большой русский писатель пишет без ненависти к людям, это не типично для русской литературы. Кроме того, русский писатель – религиозен (как поэт, иногда даже против воли. Даже Бунин по-своему религиозен). Прочтите в «Лолите» воспоминания героя о русском шофере, который отбил у него жену. Какая ненависть против всех нас!» (Ольга Можайская – Роману Гринбергу, письмо от 26 июля 1961 года)[25].

В СССР, куда скандальная слава «Лолиты» докатилась уже в конце пятидесятых, роман был заклеймен как порнографический, как исчадие бездуховной культуры Запада. Отзывы в печати были немногочисленны, но забористы: «Лолита – героиня модной и разрекламированной повести. Маленькая двенадцатилетняя девочка. В повести ее называют нимфой. Прочтя первые страницы, читатель убеждается в том, что ребенок понадобился автору книги для того, чтобы надругаться над ним перед лицом всей Америки. Он растлевает свою героиню, а заодно и молодых читателей – американских юношей и девушек. Сцены растления он смакует с такими подробностями, какие покоробили бы даже профессионального содержателя дома свиданий. <...> Журнал «Ньюсуик» <...> напечатал пространное интервью с Набоковым, его портрет, сообщил кстати, с искренней радостью, что растлитель юношества, создатель известной садистской повести является профессором Корнелльского университета и что студенты стоят в очередях за его книгой.

Где выкопали американские издатели такое могучее пополнение для литературы, где отыскали они Набокова? На эмигрантской помойке. Белогвардеец Набоков, до того, как он стал наставником и духовным отцом американского студенчества, промышлял антисоветской стряпней, выступая в пресловутом «Голосе Америки»[26].

Н.С. Хрущев читает «Лолиту». Карикатура Виктора Вейза для журнала «New Statesman». 1959

Даже будущая диссидентка Раиса Орлова в обзорной статье «Давайте разберемся! Что нам дорого в американской литературе» дала уничижительную оценку набоковскому творению: «Одной из наиболее ходовых и шумно рекламируемых книг в США (и не только в США) был роман русского эмигранта Набокова «Лолита». Но ведь нельзя же поверить, что блестящее по форме описание того, как двенадцатилетняя эротоманка изощренно соблазняет пожилого мужчину, действительно является сегодняшним днем американской словесности»[27].

[19] Деникина К. О книге В. Набокова «Лолита» и Марке Слониме // Новое русское слово. 1958. 4 ноября. С. 4.

[20] Александров Г. Грустные размышления // Новое русское слово. 1958. 23 ноября. С. 8.

[21] Шаховская З. В поисках Набокова : Отражения. М., 1991. С. 98.

[22] простой и явной (*фр.*).

[23] Собрание Жоржа Шерона.

[24] Цит. по: «Я с Вами привык к переписке идеологической...»: Письма Г.В. Адамовича В.С. Варшавскому, 1951–1972 / Предисл., подгот. текста и комментарии О.А. Коростелева // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. М,. 2010. С. 320.

[25] Цит. по: Империя N : Набоков и наследники : Сборник статей / Редакторы-составители Ю. Левинг и Е. Сошкин. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 13.

[26] Чаплыгин Ю. Чары Лолиты // Литература и жизнь. 1959. 5 апреля. С. 3.

[27] Литература и жизнь. 1959. 11 сентября. С. 3.

Разумеется, о публикации в СССР «садистской повести» не могло быть и речи. Это хорошо понимал и сам «белогвардеец» Набоков, тем не менее создавший русскую версию «Лолиты». «Вопрос же – для кого, собственно, «Лолита» переводится, относится к области метафизики и юмора. Мне трудно представить себе режим, либеральный или тоталитарный, в чопорной моей отчизне, при котором цензура пропустила бы «Лолиту». <...> Издавая «Лолиту» по-русски, я преследовал очень простую цель: хочу, чтобы моя лучшая английская книга – или, скажем еще скромнее, одна из лучших моих английских книг – была правильно переведена на мой родной язык. Это – прихоть библиофила, не более», – так меланхолично рассуждал Набоков в «Постскриптуме» к русскому изданию «Лолиты».

Экземпляры русской «Лолиты» довольно быстро просочились сквозь ржавеющий железный занавес и стали нелегально распространяться как среди представителей всемогущей советской номенклатуры, так и среди фрондерствующей интеллигенции Питера и Москвы. Более двадцати лет сохраняя сладкий привкус запретного плода, «Лолита» (как и другие книги писателя – главным образом довоенные романы, выпущенные издательством «Ардис») проникала на его «чопорную отчизну» нелегально. Благодаря ей Набоков сделался очень популярным в среде диссидентствующей столичной интеллигенции. Каноническая набоковская фотография (а бытование любого классика литературы немыслимо без утверждения канонического изображения, закрепляющего его образ) – ироничный наклон головы, лукавый прищур, откровенно декоративное пенсне – очень скоро вытеснила из интеллигентского иконостаса бородатого «старика Хэма», а романы Набокова вошли в «джентльменский список» просвещенной советской элиты.

Широкой читательской аудитории «Лолита» стала доступна лишь в «перестроечную» эпоху, когда с потоком «возвращенной» и «разрешенной» литературы книги Набокова хлынули на родину. Разумеется, и в эту благословенную эпоху «гласности» «Лолита», изданная миллионными тиражами, была неоднозначно воспринята читателями. В недавно вышедшей книге «ТамИздат» приводится весьма показательное письмо в редакцию «Литературной России», автор которого, обычный советский гражданин, «после получасового торга» приобрел у спекулянта некогда запретную «Лолиту», выпущенную «нешуточным 100-тысячным тиражом» издательством «Иностранная литература». «Романчик белоэмигранта Владимира Набокова» вызвал у гражданина приступ праведного гнева: «Роман

Обложка романа В.В. Набокова «Лолита» на русском языке (Нью-Йорк, 1967)

о сорокалетнем двоеженце, совращающем свою 12-летнюю падчерицу, их половых отношениях, преступных оргиях и прочих прелюбодеяниях, – это фактически приговор по нескольким статьям Уголовного кодекса!! Не знаю, жив ли господин Набоков, но если жив – нам немедленно надо обращаться в Интерпол с требованием задержать этого литературного садиста и извращенца»[28].

По вполне понятным причинам ни Интерпол, ни КГБ, ни ЦРУ – никакая даже самая могучая разведка мира не могла бы задержать «литературного садиста и извращенца». За четырнадцать лет до появления этой забавной кляузы (она датируется 28 сентября 1991 года) создатель скандального романа отступил «в ту область ночи, откуда возвращенья нет», и если там ему и его героям пришлось бы предстать перед грозным судом крылатых присяжных заседателей, я уверен, он был бы оправдан по всем статьям обвинения.

Высочайший уровень художественной трансформации пикантно-эротической фабулы, сам метод изложения вызывающе неприличной истории «неслыханного, безнравственного сожительства» сорокалетнего педофила и его двенадцатилетней падчерицы, – все это позволяет отмести от романа и по сей день раздающиеся обвинения в непристойности. И хотя некоторые «мускатно-сладкие эпизоды», по признанию самого писателя, «имеют отчетливо чувственный характер», это произведение не имеет ничего общего с той «порнографической дрянью», к которой ее приравнивали иные недоброжелатели. Даже при передаче довольно откровенных сцен автор счастливо избежал дотошной «анатомической дословности» и присущего порнографии «вульгарного описания сексуальной техники»[29], подчинив эротические мотивы теме нравственного прозрения героя-индивидуалиста, мучительно изживающего наваждение «бесплодного и эгоистического порока».

Как и его литературные предшественники (к ним могут быть причислены, например, «подпольные» герои Ф.М. Достоевского, особенно Свидригайлов и Ставрогин), протагонист «Лолиты» подчиняет реальность прихоти безумной фантазии, проецируя на обесцененный мир «других» необузданные желания своего гипертрофированного «я». Стремясь к поэтическому преображению действительности, пытаясь «остановить мгновенье» и воскресить райское блаженство обожествленной им детской любви, набоковский нимфолепт эгоистически калечит судьбу своей избранницы, в которой видит воплощение давней эротической грезы: нимфетку, «маленького смертоносного демона», обладающего «сказочно-странной грацией <...> неуловимой, переимчивой, душеубийственной прелестью». Превращая Лолиту в бесправную рабыню «гнусной, жгучей мечты», в «лишенный воли и самосознания – и даже всякой собственной жизни» – объект приложения преступной страсти, «старый павиан» Гумберт поначалу совсем игнорирует ее человеческую сущность и лишь по ходу повествования, будучи действительно талантливым художником, правдиво воссоздает облик своей возлюбленной, сочетавшей в себе «нежную мечтательную детскость и жутковатую вульгарность».

[28] ТамИздат: 100 избранных книг / [сост., вступ. ст. М.В. Сеславинского]. М.: Русский путь, 2012. Вкладыш между с. 326 и 327.

[29] Лем С. Лолита, или Ставрогин и Беатриче. Цит. по: Классик без ретуши : Литературный мир о творчестве Владимира Набокова / Под общ. ред. Н.Г. Мельникова; сост., подгот. текста Н.Г. Мельников и О.А. Коростелев. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 324.

Владимир Набоков. Шарж Джона Спрингса для журнала «Spectator». 1987

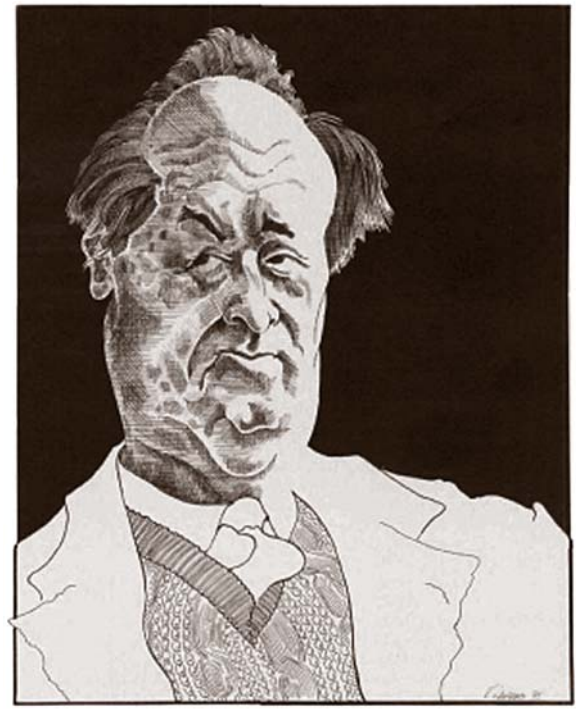
Символ поруганной и опошленной красоты (в современном массовом сознании уже утративший метафорическую сложность и глубину, выродившийся в банальную эмблему сексапильной девочки-подростка), Лолита безусловно являет собой самый совершенный женский образ Набокова. Показанная с точки зрения одержимого неотвязным влечением героя-повествователя, она обладает двойственной природой – реальной и мифологической – и выступает на страницах покаянной исповеди Гумберта в нескольких обличьях: обольстительной нимфетки, наделенной «баснословной властью» над набоковским «очарованным странником», и капризной американской школьницы, уже тронутой пошлостью и развратом и в то же время скрывающей за броней «дешевой наглости» и «невыносимых подростковых штампов» страдающую душу тягостно одинокого и беззащитного ребенка. Продукт пошловатой мещанской среды, персонификация бездумной массовой культуры, она соотносится эрудированным повествователем со множеством литературных и мифологических персонажей: с апокрифической Лилит, с Лесбией (адресатом любовной лирики Катулла), с дантовой Беатриче, Жюстиной маркиза де Сада, Кармен и т.д.

Столь же многопланов и образ Гумберта Гумберта, который показан автором в двух ипостасях: непосредственного участника описываемых событий – мученика неразделенной любви и одновременно «сорокалетнего изверга», «старого тирана», выставленного в довольно непривлекательном, а порой и комическом свете, – и отделенного от него временной и эмоциональной дистанцией повествователя, который если и не преодолел до конца губительную власть «рокового вожделения», то, во всяком случае, сумел осудить собственный эгоцентризм.

Раздвоение героя-повествователя усугубляется введением мотива удачливого соперника-«двойника». Циничный развратник Клэр Куильти – это не только реальное лицо – популярный драматург и сценарист, «в частном порядке» сделавший «фильмы из «Жюстины» Сада и других эскапакостей восемнадцатого века», но и своего рода «черный человек», порочная тень Гумберта, олицетворение его низменных страстей.

Принцип смысловой амбивалентности и контраста, лежащий в основе системы персонажей, проявляется на всех формально-содержательных уровнях «Лолиты», где напряженный драматизм «неотразимо увлекательной фабулы» сочетается с «дьявольской закрученностью приемов»[30], едкая сатира на сытое общество массового потребления с его стандартизированным жизненным укладом и духовным убожеством уживается с озорной интертекстуальной игрой и изощренной лингвистической эквилибристикой, реалистическая разработка характеров – с элементами фарса и гротеска, а живописная красочность и пластичность описаний дополняется экспрессивностью, свойственной поэтической речи. В исповедальном монологе Гумберта, разрывающегося между самобичеванием и попытками собственной реабилитации перед воображаемым судом присяжных заседателей, совмещаются проникновенный лиризм и ядовитый сарказм, высокая патетика и фамильярное многословие, находящее выражение в бесчисленных каламбурах и насмешливых обращениях к предполагаемому читателю, «крылатым господам присяжным» и даже типографскому наборщику еще незавершенной книги.

Точно так же и автор, стоящий за спиной героя-повествователя, сплавляет воедино элементы противоположных эстетических систем, умело балансируя между условностями массовой литературы и пародией на ее формулы и стереотипы. Иронично обыгранные и лукаво «остраненные» автором стандартные ситуации и расхожие приемы популярных жанрово-тематических канонов (в частности, сенсационного эротического чтива, мелодрамы и детектива) во многом обусловливают своеобразие сюжетного развития и образного строя набоковского романа, который, по замечанию Станислава Лема, «покоится на шатком основании, где-то между триллером и психологической драмой <...> между литературой «для масс» и элитарной литературой»[31].



Владимир Набоков. Шарж Винта Лоуренса для журнала «New Republic». 1995

Именно поэтому любимое детище Набокова с равным успехом покоряет сердца рядовых читателей и литературных гурманов. Став предметом тщательного литературоведческого препарирования и вызвав к жизни множество противоречащих друг другу интерпретаций, «Лолита» по праву занимает место «среди самых тонких и сложных литературных творений нашего времени, сохраняя за собой при этом, естественно, и репутацию книги скандальной. Но тот факт, что первые читатели разглядели только это последнее, а отнюдь не ее достоинства – сегодня очевидные для всякого мало-мальски восприимчивого человека – весьма поучителен»[32].

[30] Льоса М.В. Правда в вымыслах: «Лолита» // Иностранная литература. 1997. № 5. С. 225.

[31] Лем С. Цит. соч. С. 333.

[32] Льоса М.В. Цит. соч. С. 224.